

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЯНИНА ЗАБЕЛИНА

**КНИГА
ПОКОЙНИКА**

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Янина ЗАБЕЛИНА

КНИГА ПОКОЙНИКА

(Следствие ведет Гарольд Граф)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43
З 12

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации
Джозефа Клементя Колла (1881-1921)

Забелина Я.

З 12 Книга покойника. — М.: ИД «Флюид ФриФлай»,
2019. — 464 с.

Это роман о богатом bibliophile с наклонностями незабвенного Шерлока Холмса Гарольде Графе. С одной стороны тайна — уникальная подборка пьес Шекспира с пометками случайного владельца и смятые кусочки бумаги с чьими-то каракулями, с другой — таинственное убийство. И только Гарольду Графу и его помощникам — секретарю и «правой руке» Стефану Галлеру — под силу раскрыть загадку и вычислить преступника!.. Как утверждает автор: «Берн и его окрестности — наилучшие в Европе декорации для классического детектива».

ISBN 978-5-907220-03-4

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© Забелина Я, 2019

Предисловие

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭТОЙ книги весьма необычна. Году в 2003-м я, отправившись по заданию журнала-работодателя в пресс-тур по Швейцарии, в удивительно красивом городе Тун, что на берегу одноименного озера, познакомилась с симпатичной старушкой. Мы с ней одновременно метнулись к единственному пустому столику на террасе кафе на двухэтажной улице Хауптгассе со своими чашечками кофе. Оpozнав друг в друге неисправимых интровертов, обменялись смущенными улыбками, а потом, глоток за глотком, завели беседу на языке, который обе считали английским. В какой-то момент госпожа Юлия — так представилась старушка — поинтересовалась, откуда я родом и чем занимаюсь. И, услышав, что занятие мое — журналистика, а постоянное место жительства — Россия, ужасно обрадовалась. А потом попросила оказать ей услугу. «Что ж, бабушка милая, ухоженная, вряд ли станет просить деньги. И на шпионку не похожа», — подумала я и согласилась. Госпожа Юлия объяснила, что ей необходимо сходить за «объектом просьбы» домой, но вернется она очень скоро. Я снова согласилась и предалась созерцанию живописных домиков, толп туристов, бродивших внизу, по улице, и горных вершин. Старушка появилась примерно

через полчаса со здоровенным пакетом, содержащим две старинного вида папки, наполненные писчей бумагой, рукописями! — и поведала следующую историю. Ее отец, родившийся на территории Российской империи еще до начала XX века и покинувший в возрасте четырнадцати лет родное Вильно, добрался до Швейцарии и сумел на ее земле добиться известности (в узких кругах химиков и военных инженеров), достатка, а заодно обзавестись многочисленным семейством. Однако незадолго до кончины, в 1967 году, сей достойный господин решил выразить свое уважение человеку, благодаря которому жизнь его сложилась так удачно, а заодно и реализовать юношескую мечту — стать писателем. Старик подготовил тексты, снабдил их предисловием и взял с госпожи Юлии, в то время юной барышни, слово, что все это непременно увидит свет. Потом в жизнь Юлии ворвался некий летчик, последовал скоротечный брак, затем следующий... В общем, немало воды утекло с момента кончины уроженца Вильно, прежде чем моя собеседница нашла время и силы, чтобы выполнить завет отца. Но заглянув в папки, госпожа Юлия пришла в ужас — рукопись оказалась на старорусском, которого она не знала. Искать переводчика, наборщика, редактора...

Старушка так горестно ломала руки, описывая свою беспутную юность, так живо путая английские, немецкие, французские и итальянские слова, свою привязанность к отцу... И в результате уговорила меня. В аэропорт я явилась с тяжеленным чемоданом, добрую половину которого занимали упомянутые папки.

Потом прошло еще несколько лет — рукописи швейцарского гражданина мирно пылились на шкафу. Но и в моей жизни настал момент, когда я вспомнила о своих неисполненных обещаниях, а затем и об этих папках. И заглянула туда. Действительно, текст, которого хватило бы на три или четыре полновесных романа, оказался на русском языке с вкраплением немецких и еще каких-то неидентифицируемых слов. Повествование

оказалось связным, иногда очень интересным, однако изобиловало лакунами и нестыковками. А предисловие автора, к моему ужасу, было изложено на превосходном немецком! Но когда мне его перевели, я решила, что выполнить просьбу Стефана Галлера — так именовал себя уроженец Вильно, но, видит бог, неизвестно, какой на самом деле была его фамилия, — все-таки стоит. Что я, с помощью фантазии восполнив недостающее и приведя текст в удобочитаемое для современников состояние, и делаю.

ОТ АВТОРА

Дорогой мой, уважаемый господин читатель!

Будучи в весьма преклонных годах, я решил подвести итоги своей весьма удачной жизни: за нищей безродной юностью последовали известность, увлекательнейшие исследования и достаток. Однако одна моя мечта так и осталась нереализованной — когда-то я надеялся зарабатывать исключительно литературным трудом и снискать славу создателя гениальных остросюжетных романов. И, дорогой мой читатель, я не только надеялся, я еще и много и усердно трудился! А вот теперь, удобно устроившись за рабочим столом в кабинете на собственной вилле с видом на Женевское озеро, я вспомнил о своих ранних опытах писательства и решил одним махом не только заявить о себе, но принести дань уважения человеку, благодаря которому я стал уважаемым гражданином прекрасной Швейцарии. Итак, его звали Гарольд Граф.

Что этот умнейший из известных мне людей, библиофил и аристократ до мозга кости нашел в тощем мальчишке-посыльном сомнительного происхождения? Разве лишь потенциал.

Мы познакомились в Женеве, где я занимался тем, что днем подносил к поезду чужие чемоданы, а вечерами бродил по букинистическим магазинам в надежде если не купить книги по интересовавшим меня естественным

наукам, то хотя бы почитать их возле полки. В одном из таких магазинов господин Граф приветствовал меня фразой: «Никогда еще не видел посылного из гостиницы, интересующегося физикой! Как тебя зовут, молодой человек?» — а потом забрал с собой в Берн. Там, в прекрасном родовом доме моего благодетеля, я, постепенно овладевая занимавшими меня науками — языками мне пришлось овладеть за годы странствий по Европе, — стал его верным помощником. И летописцем. В те времена мне хотелось превзойти сэра Конана Дойла — себя я воображал доктором Уотсоном, а господина Графа, занимавшегося, кстати сказать, именно расследованиями, связанными с печатными и рукописными текстами, — Шерлоком Холмсом...

Писания свои я завершил с окончанием великой войны, которая теперь именуется Первой мировой, поскольку за ней последовало не в пример более разрушительное бедствие — Вторая мировая война, но рукописи берег. И ныне, решив подготовить их к изданию, пересмотрел и остановился на наиболее поздних, созданных как раз в военные годы. Исключив пару-тройку повествований о делах и событиях, которые и по сей день не подлежат огласке, я, с изумлением отметив, что лучшие всего мне давались сюжеты, которые я реконструировал по рассказам непосредственных участников и самого господина Графа, остановился на тех, что сейчас ожидают твоего внимания, уважаемый читатель.

Напоследок, поскольку со времен Первой мировой прошло изрядно времени, и воспоминания о ней скрылись под напором более свежих и более жутких впечатлений относительно недавнего прошлого, напомним, какой же была Швейцария в ту пору.

В начале 1914 года жизнь в Швейцарии была динамичный и многообещающей: по пыльным, еще не мощным дорогам ездили немецкие, французские и даже швейцарские автомобили, работали первые телефонные линии,

хотя во время разговоров в трубке вечно что-то шумело, между плотно населенными кварталами, радостно позванивая, бегали трамваи. Стремительно развивалось многообразное производство, создавались молодые семьи. Но потом началась война, породившая страх и неуверенность в будущем.

2 августа 1914 года — напомним, эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево 28 июня, а через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии, — Швейцарская конфедерация объявила о начале проведения всеобщей мобилизации. Днем позже было официально объявлено, что Швейцария останется в этой войне нейтральной, но все равно под ружье были поставлены все годные к службе по состоянию здоровья мужчины в возрасте от 20 до 48 лет. Одним из первых на фронт отправился и автор этих строк — мне довелось дослужиться до сержанта артиллерии, получить контузию в одной из редких стычек и вволю покормить окопных вшей.

Страну охватила волна патриотизма, однако во франкофонных кантонах жители сочувствовали Франции, а в германоговорящих — поддерживали Германию и самого кайзера Вильгельма, который двумя годами ранее, в 1912-м, с триумфом посетил Берн — я сам его видел, а господин Граф принимал участие в обеспечении безопасности высокого гостя. Да и политики разделились во мнениях и приложили немало усилий, пытаясь втянуть страну в войну на той или другой стороне. К счастью, здравый смысл у облеченных властью людей возобладал. Иначе все сложилось бы куда печальнее, но и так было не слишком здорово: мужчины поднялись на защиту границ, женщины встали за швейные машинки — шили для них униформу, готовили бинты, щипали корпию... И вообще делали все, чтобы заменить своих ушедших на войну мужей.

Продукты — действительно только местного происхождения, — несмотря на карточки, во всех домах создавались склады продовольствия и топлива. Но

приобретение чего-либо «про запас» было строго запрещено. Гостиницы пустовали. Пользоваться телефоном и отправлять телеграммы можно далеко не всем (а с 8 августа и вплоть до конца сентября 1914 года было вообще строжайше запрещено). С середины августа 1914-го был издан запрет на вождение автомобилей частными лицами. Исключения сделали для медиков, продавцов продуктов питания, для шоферов, осуществлявших военные поставки, а также для общественного транспорта и для сельскохозяйственной техники. А позже, в ноябре, крайне обострилась ситуация с резиновыми покрышками и бензином, поскольку Соединенные Штаты и Австро-Венгрия, основные поставщики минерального топлива, практически остановили весь свой экспорт.

Еще одной проблемой стала безработица — в войну никого не интересовали прекрасные швейцарские часы! В итоге в городе Ла-Шо-де-Фон, центре швейцарской часовой промышленности, установился такой высокий уровень безработицы, что властям пришлось начать материально поддерживать тысячи граждан. А вот интерес к шоколаду не ослабел — заказы стабильно поступали из Британии, Германии и Франции, — и потому их производителей сильно тревожили поставки какао и сахара. Представляете, каково было доставлять все это через бушующую Европу!

Словом, на фоне вот таких декораций разворачивались трагедии, которые привлекли внимание моего старшего товарища, учителя и благодетеля Гарольда Графа...

Приятного тебе чтения, уважаемый господин читатель!

ЧАСТЬ 1

Глава I

СТРАННАЯ ПРОСЬБА

БОЛЬНОЙ НЕПОДВИЖНО СИДЕЛ НА постели, глядя на дверь и прислушиваясь. Но никаких звуков, кроме надоедливого гудения вентилятора и приглушенного урчания проносившихся возле дома редких автомобилей да звона велосипедных звонков, до него не доносилось. Хотя ныне движение транспорта в городе почти замерло: была середина лета 1915-го, жара стояла уже четвертый день, а развлекательные поездки на время войны перешли в область воспоминаний...

Лежавший в кровати больной выглядел ухоженным и умиротворенным. Блестящие светлые волосы были тщательно причесаны, а приятное, печальное лицо — чисто выбрито. Худые руки с тонкими изящными пальцами застыли на льняной простыне, верхний край которой был отогнут к коленям. Тонкая голубая пижама выглядела так, словно ее только что доставили из прачечной.

На столике возле двуспальной кровати стопкой лежали журналы и книги, бумага для письма и ручка, а на свободном пятачке стоял кувшин с ледяной водой. Над всеми четырьмя окнами высокой светлой угловой палаты были укреплены полотняные навесы, благодаря которым в помещении царила приятная прохлада.

Больной поднес к глазам запястье левой руки, собираясь посмотреть на часы, — кожаный ремешок скользнул вниз по исхудалой руке. Полдень. Доктор

появится только через час. Шмид — на кухне, готовит обед. Больной взглянул на телефон, укрепленный на подставке у самой двери. Хотя пользоваться телефоном имели право только чиновники из администрации кантона да полицейские с пожарными, владелец гостиницы выхлопотал разрешение для особых гостей.

Подумав мгновение, больной откинул одеяло, опустил ноги на пол, затем, опираясь о столик, поднялся с постели и медленно подошел к телефону. Остановившись у аппарата, он замер и прислушался. Его комнату отделяла от кухни и холла большая гостиная, но звяканье стекла и фарфора было слышно совершенно отчетливо. Все спокойно. Больной тяжело опустился на стул и взял с нижней полки подставки телефонную книгу.

Положив толстенный фолиант на колени, больной задумался, затем открыл справочник, поискал нужную страницу и, наконец, повел пальцем по колонке. Остановившись на нужном месте, запомнил номер и сунул книгу на место. Едва он протянул руку к трубке, как раздался резкий звонок в дверь. Больной вздрогнул, поспешно поднялся и направился к ближайшему окну. Не успел он преодолеть и полпути, как в дверь заглянул высокий, худощавый мужчина с красным лицом.

— Прогуливаетесь? — поинтересовался он.

— Да. Решил размяться.

— Приехал доктор. Сегодня раньше обычного, — Вошедший говорил нараспев. — Вам лучше вернуться в постель.

Больной улыбнулся и ответил:

— Разве это важно?

— Лишь бы доктор не счел, что я к вам невнимательно отношусь.

С этими словами вошедший взял больного под руку и помог добраться до кровати.

— Вряд ли он так подумает, Шмид. — Больной не удержался от сардонической нотки. — Как бы то ни было, я не собираюсь на вас ябедничать.

Человек по имени Шмид накрыл больного тонким одеялом, аккуратно разгладил его, поправил подушку и не спеша направился к двери.

Вернулся он с крупным, довольно полным пожилым джентльменом, темноволосым и неопрятным. Низко опущенная голова и выпуклый широкий лоб делали посетителя похожим на быка. В руках он держал черный саквояж — необходимый атрибут профессии врача.

— Ну, господин Мартинели, посмотрим...

Доктор обошел кровать, поставил саквояж на пол и взялся пальцами за запястье больного: этот жест был чисто ритуальным — он сразу же убрал свою руку. Шмид с невозмутимым видом стоял, опираясь о высокую спинку кровати у ног Мартинели. Его продолговатое обветренное лицо и светлые озорные глазки совсем не вязались с профессией слуги, а белая форменная куртка казалась позаимствованной у какого-то раззявы; да и легкая походка Шмида была не характерной для обычно едва переставлявших ноги слуг. Он выглядел таким же чистеньким, как его подопечный, — правда его облик несколько портила прическа: каштановые волосы слуги торчали во все стороны. Шмид чем-то напоминал рыжего из цирка — возможно, ему следовало бы сменить род занятий и дарить людям радость...

Взглянув на Шмида, доктор Тролингер не улыбнулся.

— Приятно и прохладно у вас здесь. А вообще сегодня на улице дьявольское пекло, господин Мартинели. Мои пациенты не пришли вовремя, и потому я, сократив приемные часы, решил заскочить к вам.

— Похоже, вам жарко, доктор...

— А вам вроде бы нет, господин Мартинели.

— Да, для меня это большая удача, — улыбнулся больной.

Тролингер посмотрел на него, но сразу отвел глаза: рядом с чистейшим бельем и ухоженным больным он сам выглядел не няшпливым и потрепанным, а просто грязным. Чувствуя себя неловко, врач устался в пол. На его

бледном лице выступил пот, карие глаза с желтоватыми белками лихорадочно забегали.

— Но в больнице вам все-таки будет лучше, господин Мартинели, — наконец выдал он.

— Что, мои дела так плохи? — безразлично поинтересовался больной.

Доктор с горечью подумал, что если когда-то в этом человеке и была сила, то теперь ее высосала болезнь.

— Там удобнее. Ухаживает квалифицированный персонал... Ваш слуга неплохо заботится о вас, но все же... — Тролингер покосился на Шмида и тут же отвел взгляд. Вынув из кармана мятый шелковый носовой платок, он вытер вспотевший лоб: — Мне было бы спокойнее, если бы вы находились под присмотром квалифицированной сиделки. В клинике Святого Дамиана вы роскошно устроитесь. Я заказал для вас угловую комнату, как и здесь, — надеюсь, вам она понравится. Высокие деревья под окнами... Я очень люблю такие старомодные места.

— Пожалуй, умереть здесь и в самом деле неразумно, — задумчиво проговорил Мартинели. — Когда я должен ехать?

— Сегодня после полудня, если пожелаете.

— Если захочу? Ведь вы уже обо всем договорились, хотя все больницы переполнены. Конечно, я согласен. Только не отвозите меня на машине скорой помощи. Я — как Дизраэли — не люблю символа смерти. — Мартинели едва заметно улыбнулся.

— Вы можете отправиться в такси. Я поеду вместе с вами и присмотрю за тем, как вас устроят. — Тролингер спрятал платок и вздохнул с явным облегчением. — Ох, вы мне просто камень с души сняли.

— Это вы хорошо придумали, доктор — оставить меня в покое, я имею в виду. Но вот в этой вашей больнице беззаботной жизни мне не видать, не так ли?

— Ничего подобного.

— Интересно, почему они всегда так суетятся и лезут куда их не просят. Я знаю диагнозы...

— Потому что вы сами настаивали на откровенности!

— ...и они его знают. Зачем вся эта суматоха с переливанием крови и рентгеном, если человек умирает?

— Мы договорились, что вы не станете забивать голову такими мыслями, господин Мартинели.

— Мысли... как мысли. Но я должен уладить дела. Кстати, Шмид, мне нужно позвонить по телефону — я хочу, чтобы из банка прислали все оставшееся на счету. Я собираюсь платить за все наличными. — Он взглянул на Тролингера. — Вы ведь знаете, что получается, когда умирает человек. Пока наследство не очищено от долгов и не оформлено надлежащим образом, ни один счет оплачен не будет. Но мне не нравится дурацкая волокита. Я заплачу наличными вам, доктор, и переведу пару тысяч на счет больницы, чтобы оплатить свое содержание в ней и расходы на похороны. Надеюсь, больница возьмет это на себя?

— Конечно, если вы того пожелаете, — Тролингер нахмурился.

— К сожалению, у меня нет никого, кто бы позаботился о моем прахе. А пары тысяч хватит? Вот это вы должны обязательно сказать мне, доктор. Я, вероятно, пробуду у Святого Дамиана чуть больше недели... Вряд ли больше?

— Давайте не будем загадывать, господин Мартинели, — сухо ответил Тролингер.

— Ну, доктор! Мы же с вами не дети и не пугливые старые дамы. Уясните наконец, я говорю об этом совершенно спокойно. Не так ли, Шмид?

— Да, господин Мартинели относится к своему ближайшему будущему без тени волнения. — Казалось, Шмид развеселился еще больше.

— Просто хочу оставить достаточно денег. Пусть меня похоронят на нашем семейном участке на кладбище в Шпице, что под Туном. Я совсем недавно улаживал дела, связанные с наследством моего покойного дядюшки. Вот потеха, — он рассмеялся. — Наследство состояло из старого дома да счета в банке, которого

хватило лишь на похороны. Умный старик. Жил на ренту. У меня ренты нет, но здесь в банке есть копия моего завещания. Оригинал хранится в моем банке в Женеве. — Больной повернул голову на подушке. — Если на моем счету что-нибудь останется, пусть потратят на благотворительность.

Тролингер поднял глаза на Шмида и смотрел на него, не переставая, пока тот не убрал руки со спинки кровати и не вышел из комнаты. Выждав мгновение и полагая, что Шмид удалился на достаточное расстояние, доктор тихо заговорил:

— Господин Мартинели.

— Да? — Больной не шелохнулся.

— Вероятно, все же кого-то следует известить.

— Я же сказал: у меня никого нет.

— Никого?

— Абсолютно.

— И даже в Женеве?

— Только деловые знакомства.

— И в Шпице?

Помолчав, Мартинели ответил:

— В Шпиц я ездил только из-за наследства. Тогда я здорово удивился, что дядя оставил мне свой старый дом. Я же говорил вам, доктор, — та ветвь нашей семьи, что поселилась в Шпице, уже вся вымерла. У меня нет ни единой родной души, кроме двоюродных братьев, живущих не то в Монтре, не то где-то поблизости. Если они еще не умерли, конечно. Я не видел их с детства, с тех пор, как гостил у них как-то летом. В моем завещании их нет, — добавил он, усмехнувшись. — Не думаю, что они приедут сюда, на север, на мои похороны. Хочу вас заверить, что и я в Монтре по такому поводу не отправился бы.

Тролингер сидел молча, положив массивные руки на колени.

— Это большая ответственность, — произнес он через минуту.

Мартинели повернулся к нему лицом.

— В чем?

— Если вы забыли о ком-то и этот кто-то спросит, почему его не уведомили...

— Я никого не забыл. Видите ли, мне нравится одиночество.

Взгляд Мартинели скользнул мимо собеседника куда-то в неведомые дали пространства и времени.

— Меня не беспокоит, что я умру в больничной палате. Полагаю, люди имеют право умереть так, как они хотят — если это возможно, конечно. Вы не докучали мне, доктор, и я вам за это благодарен. Я не стану вносить изменения в свое завещание. Оно было составлено много лет назад, и менять что-либо слишком хлопотно — особенно теперь. Но я заплачу вам две тысячи франков наличными — тысячу сегодня, до того, как мы отправимся в больницу. А Шмид вручит вам вторую тысячу после моей смерти.

Тролингер выпрямился в своем кресле. Его бледное лицо словно окаменело; короткопалые кисти самопроизвольно сжались в кулаки. Он сцепил руки и принялся медленно вертеть большими пальцами. После долгой паузы он изрек:

— Я не имею права на гонорар в две тысячи франков, господин Мартинели.

— Права? Нет. Разве дело в праве? Дело в моем к вам уважении. Вы поставили верный диагноз и сказали мне правду, когда я попросил вас об этом. В течение двух недель вы возились со мной; устроили меня в больницу. Вы заботились о том, чтобы, так или иначе, была выполнена моя последняя воля и прочие распоряжения. Сколько я вам заплачу, это мое дело, и оно больше никого не касается.

Тролингер откашлялся.

— Никого, кроме Шмида.

— О Шмиде не беспокойтесь. Я ему вполне доверяю. Вероятно, вы просто плохо знаете людей такого типа?

— Вы подобрали его в Туне.

— Но не на улице же! Я расскажу вам, как все произошло. Я приехал на север по просьбе банка в Туне, где мой покойный дядя хранил деньги. Я был его единственным душеприказчиком. Старика я и в глаза не видел, но, возможно, он питал некие сентиментальные чувства к последнему отпрыску старшей ветви семьи. По объявлению в газете 28 мая я остановился в Берне и снял на лето эти апартаменты. Осенью я собирался вернуться в Женеву, а пока немного пожить на севере. Я собирался посмотреть город, но это занятие мне очень быстро наскучило... Я поездил немного по окрестностям и прибыл в Тун... Пойдите, когда это было... 15 июня. Там я узнал, что Шпиц находится милях в пяти к востоку, в живописной бухточке. А Шмид оказался на вокзале — сидел в старинной колымаге и ждал клиентов. Я удивился, но таксомоторов не было, и я позволил парню отвезти в Шпиц и себя, и чемодан. Мы поговорили. Он показался мне довольно занятым. Человек — перекаати-поле. Абсолютно доволен собой. Приторговывал собственными поделками, но, понятное дело, конкурировать с мастерами не смог и разорился... Дом моего дяди располагался в двух милях к северу от Шпица... Препаришный городишко, скажу я вам. Кроме замка и видов на озеро с горами и смотреть нечего, а я не любитель ни древностей, ни красот природы. И пришлось бы мне мучиться в так называемом городском отеле, если бы не Шмид. Благодаря ему я обосновался в родовой берлоге. Шмид оказался мастером на все руки и готовил для меня, как настоящий повар. Вскоре я начал чувствовать себя слабым и больным, и он окружил меня трогательной заботой: покупал провизию, привозил газеты и книги. Я жил в комфорте и неге... Сейчас мне очень приятно вспоминать этот фрагмент своей жизни, доктор, — беззаботное, спокойное время... А как хорошо было там, на озере, в окружении невозмутимых гор! За эти недели я хорошо изучил характер Шмида. Он честный человек.

Тролингер промолчал, глядя на больного из-под прищуренных век.

— Затем я свалился... Это произошло 3-го июля, как вы знаете. Шмид сообщил сюда, что мы приезжаем, и 6-го пополудни привез меня в Берн. Я без сил рухнул в постель, а он кинулся на поиски врача и первой увидел на улице вашу вывеску. Да, старина Шмид... Он возился со мной как преданная нянька — и там, и здесь. А сегодня вечером он отправится в Шпиц — надо закрыть старый дом, уплатить по счетам — я подготовил ему целый список. А после похорон он передаст вам вторую тысячу.

— Весьма обязан, — буркнул доктор.

— Это я вам обязан. Хотел бы я знать, — сказал Мартинели, слегка улыбаясь, — что теперь будет со Шмидом. Готов поклясться, что он не угомонится, чем бы ни занялся. Ему, как и мне, за сорок — слишком поздно менять привычный образ жизни. По крайней мере, я не стал бы отказываться от своих привычек, даже если бы от этого зависела моя жизнь. — Тролингер бросил быстрый взгляд на больного — тот безмятежно смотрел в потолок и мечтательно продолжал: — Вероятно, попробует свои силы в качестве проводника где-нибудь на перевалах, — он усмехнулся. — Или просто сгинет с лица земли. Впрочем, об этих уроженцах германоязычных районов ничего нельзя сказать наверняка. Даже их манеры не поддаются никакому объяснению — самые простодушные часто кажутся холодными и высокомерными.

— А в Шпице кто-нибудь сможет проконтролировать действия вашего Шмида, господин Мартинели?

— Да там его все как облупленного знают! Кроме того, агент по продаже недвижимости присмотрит за домом до и после появления Шмида, поскольку я решил выставить на продажу эту рухлядь. Не удержит же Шмид с печками дяди Конрадуса! Да и дом, конечно же, никто не купит. Он просто развалится. Ферма и сад запущены, вода подается ручным насосом, и канализации нет.

— Хорошо. Вам лучше знать. — Доктор наклонился, взял саквояж, который так и не пришлось открывать, и встал. Помедлив, он, наконец, бесстрастно изрек: — Ни вы, ни я не склонны к сентиментам. Но позвольте мне сказать, что когда наступит мой черед, я надеюсь вести себя так же мужественно, как и вы.

— Мужественно? — переспросил Мартинели, покосившись на доктора, затем протянул руку к небольшому радиоприемнику, стоявшему на полке прикроватного столика и покрутил ручку настройки. — Что ж, откровенность за откровенность, — проговорил Мартинели и подождал, пока не зазвучала мелодия, исполняемая оркестром струнных; послушав немного, убавил громкость и откинулся на подушку. — В своей жизни я совершил массу ошибок и глупостей, но при этом никогда не противился судьбе и безропотно сносил все ее удары. Сейчас я повержен, но могло быть и хуже.

— Должен заметить, у вас очень необычный взгляд на жизнь, господин Мартинели. Я заеду за вами, скажем, часов в пять?

— Мы будем готовы. А в больнице мне позволят принимать от бессонницы ваши приятные таблетки?

— Я договорюсь.

— Конечно, утром после снотворного чувствуешь себя, как выжатый лимон, но это небольшая плата за несколько часов спокойного сна.

— Остановимся на привычном фенobarбитале.

Тяжело ступая, Тролингер вышел из комнаты и через гостиную направился в холл. Навстречу ему из кухни выскочил Шмид с подносом в руках: доктор обратил внимание на сервированный на нем легкий завтрак. Приткнув поднос на тумбочку для шляп, Шмид открыл перед доктором входную дверь.

— У него в самом деле никого нет? — сухо осведомился Тролингер, не глядя на слугу.

— Насколько я знаю — никого... Сколько он еще протянет?

— Недели две — не больше. Хотя я могу и ошибаться, — ответил Троллингер, все еще не поднимая взгляда.

Шмид закрыл за врачом дверь и вновь взялся за поднос. Войдя в спальню, он поставил завтрак больного на тумбочку. Пока слуга наводил порядок на прикроватном столике, Мартинели, внимательно следя за его действиями, спокойно проговорил:

— Это наш последний день.

— Мне собираться недолго. Я уже все подготовил. — Шмид растягивал слова еще больше обычного. — Только не могу найти ту книгу, — добавил он.

Последовала пауза. Затем Мартинели произнес:

— Глупо, конечно. Должно быть, я забыл ее в поезде.

— Стоит ли волноваться, если она вам не очень нужна? Могу пойти и взять другую.

— Боюсь, теперь у меня останется не слишком много времени на чтение... Я пока не хочу есть, Шмид... Позвоните в банк. Кто знает, сколько придется ждать, пока их посыльный с деньгами доберется сюда.

— Да, вы правы.

— Мне нужно выписать чек Троллингеру. Где чековая книжка?

— На столе.

— Сколько осталось на счету?

Шмид открыл чековую книжку и прочел вслух:

— Четыре тысячи пятьсот шестьдесят семь швейцарских франков.

— Надеюсь, этого хватит — даже если я продержусь несколько дольше, чем отвел мне Троллингер. Помнится, он говорил о паре недель...

— Не стоит волноваться.

Шмид пересек комнату, взял телефонную книгу, нашел и набрал нужный номер.

— Это банк кантона Женева? — спросил он, затем добавил: — Не кладите трубку, пожалуйста. С вами будет говорить господин Говард Мартинели.

Глава 2

НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

В СРЕДУ, 28 ИЮЛЯ, жара снова обрушилась на город. Такой же нестерпимый зной набросился на Берн в тот же самый день на предыдущей неделе. Но в библиотеке Графа, занимавшей всю заднюю часть дома, было вполне комфортно благодаря сквозняку из через окна фасада. Сюда даже долетал аромат нагретой воды от реки Ааре. Этим вечером Граф пообедал рано, и поэтому его слуга-француз Антуан мог отправиться, например, в кафе или в пивную — в обоих случаях он возвращался суровым и трезвым, — а сам хозяин дома удобно устроился в кресле возле одного из высоких окон библиотеки. Он пил кофе, курил сигарету и бездумно смотрел на пыльную зелень.

Сейчас он жил один, не считая Антуана и большого желтого кота Мартина. Клара отдыхала на Женевском озере: она не хотела уезжать, но Граф, принимая во внимание ее хрупкое здоровье, настоял на своем. В итоге они арендовали пансион у приятеля, коих у господина Графа имелось множество. Клара отправилась туда в конце июня в сопровождении своего любимца — пса породы чау-чау по имени Солнышко, кухарки Этель и горничной Марианны. Предполагалось, что сам Граф станет приезжать на выходные, но пока

его многообразная деятельность вносила свои коррективы — две намеченные встречи задержали любящего супруга в городе до конца субботы.

Придавленный жарой город словно вымер. Залитые зеленью улицы и площади со средневековыми фонтанами окутывала удивительная, неправдоподобная тишина, наверное — подумалось ему — так было задолго до его рождения, когда дедушка Граф сидел после обеда у этого же окна, курил сигару и пил кофе из голубой чашки — этой же или другой, но очень похожей. А бабушка пережидала тропический зной и дышала свежим воздухом где-нибудь в Лозанне или в Ницце. Старики удивились бы изменениям, которые претерпел их дом — дом, в который они вошли после своего медового месяца. Снаружи все осталось прежним — скромное факхверковое строение с высоким подвалом и низкой открытой верандой с белой отделкой, — но внутри жилье и работа слились воедино и потребовали кардинальных перемен. Подвал был предоставлен Антуану и Этель. Гостиная стала кабинетом Графа, столовая — его лабораторией, кладовая — помещением для фоторабот. За лестницей установили крошечный лифт — всего на двух человек; небольшой подъемник соединял кухню и библиотеку, которая одновременно служила столовой семье Графов.

Сейчас оборудование лаборатории покрывали чехлы от пыли. Стефан — помощник, лаборант и автор этих строк — был призван на защиту границ страны...

Наслаждаясь заслуженным отдыхом, хозяин дома сидел, положив ноги на стул, и рассматривал кусты азалии, которые росли во внутреннем дворике. Играл патефон. Неожиданно загудел и остановился лифт. В дверях показался Антуан.

— С вами хотят увидеться, господин Граф.

Такая форма сообщения означала, что по мнению Антуана, посетитель был вполне уважаемым, но все же не до такой степени, чтобы следовало обозначить его пол.

— И кто же это? — поинтересовался Граф.

— Молодая особа, никак не старше тридцати. Визитной карточки не предъявила. Не представилась. Сказала, что по делу. Не похожа на горожанку.

— Что-нибудь продает?

— Вряд ли. Похожа на школьную учительницу, но у нее не совсем правильная речь.

— Конторская служащая?

— Для этого она несколько старомодна, господин Граф. Трудно определить род ее занятий.

— Почему я должен с ней встречаться без предварительной договоренности?

— Просто так она не стала бы вас беспокоить.

— Вот как! Придется положиться на твое мнение.

Граф опустил ноги на пол, потянулся и отправился вниз. По пути в кабинет он приоткрыл парадную дверь, закрепив ее на цепочке, и лишь затем вошел под лепной потолок бывшей гостиной.

Посетительница сидела на краешке одного из глубоких кожаных кресел, заметив хозяина, она поднялась и замерла. Это была молодая женщина, среднего роста, с округлым лицом, большими карими глазами и собранными в пучок каштановыми волосами.

На голове красовался тюрбан из коричневой ленты, очевидно, самодельный. Сбоку была приколотая небольшая роза. Коричневый полотняный костюм и поношенные полуботинки такого же цвета красноречиво свидетельствовали о невысоком достатке неожиданной гостьи. В руках женщина держала связанную из коричневой шерсти большую сумку.

Граф подумал, что его посетительница, видимо, человек рассудительный и спокойный, но сейчас очень взволнована — возможно, мысль зайти сюда посетила ее внезапно.

— Добрый вечер, — начал он.

— Господин Граф?

— Да. К вашим услугам.

— Меня зовут Шафер. Лидия Шафер.

— Присаживайтесь, госпожа Шафер, а я пока добавлю свежего воздуха.

Он подошел к закрытому окну, оборудованному воздушным фильтром, и, включив его, подставил лицо под поток теплого воздуха, затем открыл защелку и поднял раму. Наконец, вполне удовлетворившись полученным результатом, Граф повернул кресло в сторону посетительницы и сел.

— Что я могу для вас сделать?

— Боюсь, тут ничего уже не поделаешь, но все же... — она говорила чуть гнусаво, но достаточно отчетливо. В целом ее манера произносить слова производила довольно приятное впечатление: — Я, конечно, должна была предварительно позвонить и договориться о встрече.

— Ну, это чтобы наверняка... Я не часто бываю дома.

— Но я подумала, что у вас есть секретарь. Они обычно задают тысячи вопросов... Я сама такая. — Она сухо улыбнулась. — Но я не стала бы говорить, ради чего хочу встретиться с вами. Это неприятная тема.

— Неприятная? — с наигранной улыбкой переспросил Граф.

— Вы подумали бы, что я ненормальная.

— Обещаю, что не подумаю.

— Мне не пришло бы в голову отнимать у вас время, но прошлым летом мне о вас рассказал господин Дроз.

— Господин Дроз?

— Он говорил, что хорошо знает вас.

— Если это Ленц Дроз, адвокат, то конечно... Знает.

— Он проводит лето неподалеку от Туна, в Шпице — там живет моя тетья. Оттуда родом и вся наша семья. Я обосновалась в Берне, потому что работаю здесь — помощницей у своего дяди, зубного врача. На лето я приезжаю в Шпиц, чтобы побыть с моей тетей, а господин Дроз приезжает туда за морковными пирогами и пряниками.

— В этом году он сидит в городе.

— Конечно. Ведь теперь не разрешается пользоваться машиной. Но прошлым летом он приезжал, и тогда в газетах писали о вас и вашей жене.

— Писали, — обреченно согласился Граф.

— Господин Дроз рассказывал нам о вас.

Женщина смотрела на Графа так, словно он был хитрой головоломкой, которую ей предстояло разгадать. Чувствуя некоторую неловкость, он рассмеялся:

— Ну, Дроз все-таки адвокат — вряд ли его истории могут всерьез подмочить мою репутацию.

— Он говорил, что когда происходят странные события, вы иногда... — Она замолчала; пауза тянулась и тянулась. Граф, наконец, подбодрил ее:

— Да, госпожа Шафер?

— Господин Граф... — В голосе посетительницы звучало неподдельное отчаяние. — У меня нет денег.

— Вы имеете в виду гонорар?

— Да.

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Лучше расскажите мне о «странном событии». Ленц прав, подобные истории меня интересуют.

— Не знаю, как у меня хватило наглости прийти к вам. Я ничего не говорила тете и дяде. Они живут неподалеку от Эрлахерхофа. Они бы подумали, что я свихнулась. Вы же ничего обо мне не знаете, — закончила госпожа Шафер совсем нелогично. Педантичный слушатель потерял бы всякое терпение. Однако Граф педантом не был.

— Друг Дроза — это и мой друг, — мягко проговорил он. — И я не выдаю профессиональные тайны кому попало. А теперь скажите мне: это необыкновенное событие произошло здесь, в Берне?

Ему на мгновение представилась старомодная приемная зубного врача — место работы неожиданной посетительницы. Вот она сидит за столом с толстой регистрационной книгой в руках, без форменной одежды, без

косметики, без особой техники устрашения. Барышня в приемной его собственного зубного врача выглядела, как звезда кабаре.

— Нет. Не совсем. Все началось нынешним летом — 21-го июня — в Шпице, а точнее — в доме Мартинели. Именно там я встретила с господином Мартинели. Но 6-го июля он вернулся в Берн, а теперь он в больнице, и никто мне не объяснил, в чем дело.

Граф ждал продолжения.

— Господин Граф, — взволнованно произнесла она, — я раньше никогда не задумывалась, но в этом городе с человеком может случиться все что угодно, и никто никогда не узнает, что же произошло!

— Не стану с вами спорить, но, я думаю, вы преувеличиваете. Впрочем, я пока не слышал всей вашей истории.

— Меня осенило, когда я пыталась выяснить хоть что-нибудь в этой кошмарной больнице вчера вечером. Обычный человек не может проникнуть в такие места или вытребовать ответы на свои вопросы. За всю свою жизнь никогда не чувствовала себя такой беспомощной!

— Но, госпожа Шафер, мне тоже не дадут в больнице информацию о пациенте. Это запрещено. Вам нужно связаться с доктором, с родственником или с другом.

— Но у него никого нет!

— У господина Мартинели никого нет?

— Он сам мне говорил! Никого.

— Исключая вас.

Граф улыбнулся ей, но она продолжала говорить, серьезно глядя на него.

— Я ему никто. В этом-то вся беда. Именно поэтому мне ничего не сказали ни на квартире, ни в больнице. На прошлой неделе и вчера вечером.

— Вы рассчитываете, что я что-нибудь узнаю о господине Мартинели?

— Я просто... просто хочу услышать ваше мнение.

— Хорошо.

Граф достал из кармана портсигар и предложил сигарету госпоже Шафер. Как он и ожидал, женщина отказалась, покачав головой.

— Вы не возражаете, если я закурю? — спросил он.

Посетительница удивилась этому вопросу.

— Конечно!

Граф закурил сигарету и задумался. В этого Мартинели она не влюблена. Вероятно, она романтична по натуре, но не станет терять голову из-за первого встречного. Ветреной ее не назовешь, и она далеко не дура.

— Я сейчас объясню все с самого начала, — заговорила вновь госпожа Шафер. — Каждое лето, когда мои бернские дядя и тетя отправляются к морю, я беру отпуск и еду в Шпиц к тете Джулии — просто потому, что ничего другого не могу себе позволить. Мне приходится платить только за еду. Но там красиво. Я даже иногда плаваю в озере... — продолжала госпожа Шафер. — Только нечем заняться. Шпиц — крохотный городок, а его замок интересен только туристам. В пяти милях к востоку от Туна. Я целыми днями брожу по вдоль озера и по склонам — гуляю. Лучшее место для прогулки — за домом старого Мартинели — в двух милях от нее. Старик Мартинели жил там безвылазно, а прошлой весной скончался. Я обычно обходила его владения и поднималась наверх, до конца дороги. Там прекрасный вид. Ну вот, этим летом я решила проводить время в саду у старого Мартинели — старик похоронен, дом заперт, и никому до меня нет дела... В очередной раз я вышла прогуляться 28-го июня. Не доходя до дома, свернула и пошла по полю к каменной ограде, думая, что перелезу через нее и поброжу по саду. Но перебравшись через стену, я чуть не умерла от страха. Там, внизу, прислонившись к нагретому камню и надвинув шляпу на глаза, сидел какой-то человек. Это оказался господин Говард Мартинели. Он очень любезно сказал, что я могу спокойно пройти через его владения или посидеть там, если мне хочется. Лишь

просил извинить его за то, что не может встать. Он плохо себя чувствовал. Мы разговорились.

— Не очень-то люблю перебивать, но скажите, пожалуйста, как выглядел или выглядит ваш господин Мартинели? — спросил Граф. — Мне всегда интересно это знать.

— Ну, ему лет сорок пять. Очень светлые волосы и голубые глаза. У него такая тихая, спокойная манера говорить. Очень приличный костюм и панاما. Выглядел довольно бледным, но, возможно, это от природы — загар на кожу плохо ложится. Среднего роста, скорее худощавый. Чисто выбрит.

— Вы хорошо обрисовали его.

— Просто приятный человек. Он объяснил, что дядя сделал его душеприказчиком, и ему пришлось приехать сюда из Женевы, чтобы присмотреть за домом и решить наследственные дела. Он собирался жить в Туне, но встретил на вокзале человека по имени Шмид — тот прекрасно готовит и все такое, — поэтому они и поселились здесь на озере. Я еще подумала, что они правы — гостиница сейчас никуда не годится, а тут все-таки жилой дом...

— А как выглядел Шмид?

И тут госпожа Шафер заговорила совсем другим голосом.

— Его-то я почти не видела. Случайный, в общем-то, человек. Он просто подвез на своем «рено» господина Мартинели из Туна в Шпиц, когда тот приехал из Берна. Это было 15 июня. Они прожили вместе около недели, и господин Мартинели говорил, что Шмид ему нравился все больше и больше — дескать, тот настоящий философ, умница, работающий. Как бы то ни было, они устроились в старом доме, и, как считал господин Мартинели, он давно так хорошо не отдыхал. Прежде он не бывал в этих краях, но живописные пейзажи, горы, воды озера и тишина сделали свое дело — господин Мартинели решил съездить ненадолго в Берн,

а потом вернуться в унаследованные владения... В ту первую нашу встречу мы поднялись в верхнюю часть сада — оттуда открывается великолепный вид на озеро и окаймляющие его горы, а внизу виден кусок дороги на Тун — в полмили, не меньше — она извивается среди скал... Господин Мартинели рассказал мне, что Шмид занимался ремеслом, торговал чем-то, но потерял дело, когда его поделки перестали брать. Так что Шмид теперь безработный, и он, Мартинели, подумывает, не взять ли парня с собой в Берн. Он болен, а Шмид его вполне устраивает... Пока мы разговаривали, из-за поворота вывернулся «рено» — Шмид ездил в Тун за продуктами. Господин Мартинели поспешно встал и сказал: «А вот и Шмид. Не стану вас задерживать»... Вы понимаете, конечно, — госпожа Шафер изобразила нечто вроде улыбки, — когда вам говорят, что не станут вас задерживать, это означает — милочка, вы мешаете!

— Несомненно.

— У меня возникло ощущение, что господин Мартинели просто не хочет, чтобы Шмид видел меня. Я не возражала. В городке ужасно любят сплетничать, а мне не хотелось ставить господина Мартинели в неловкое положение. Я обогнула сад с юга и вышла на ведущую вниз дорожку. На следующий день я отправилась на прогулку пораньше — господин Мартинели попросил меня об этом.

— Не часто мы находим близких по духу людей буквально на обочине дороги.

— Мой новый знакомый оказался совершенно удивительным человеком — я никогда не встречала подобных людей. Не понимаю, почему он вообще разговаривал со мной. Но мы беседовали чудеснейшим образом. Он как-то сказал, что ждет с нетерпением моего появления. Он прочел буквально все на свете и был чрезвычайно интересным собеседником. А мне и в голову не приходило, что с каждым днем ему становится все хуже и хуже. Он никогда не упоминал о своей болезни.

— А чем он болел?

— Не знаю.

— И вы никогда не встречались с Шмидом?

— Я видела его пару раз на дороге и один раз в Туне. Господин Граф... Господин Мартинели боялся его.

— Мартинели боялся своего ручного философа?

— Его пугали вовсе не сплетни. Я поняла это еще в первый день, когда все обдумала по дороге домой. Господин Мартинели испугался, когда машина Шмида появилась из-за поворота.

Граф задумчиво посмотрел на нее.

— Вас навело на эту мысль выражение лица Мартинели?

— Ну, мне сразу стало ясно, что если Шмид застанет нас за беседой — случится беда. Когда господин Мартинели выпроводил меня — да еще и так поспешно, — я почувствовала себя ужасно неловко. Думала, что господин Мартинели боится, как бы наша встреча в саду не стала достоянием деревенских сплетниц. И лишь по дороге домой я поняла, что за этим незначительным происшествием кроется нечто большее.

— А может, вам почудилось нечто необычное в выражении лица Мартинели? Например, вам просто не понравилось, что ваш случайный знакомый боится дурацких сплетен.

— Господин Мартинели просил меня не приходить в воскресенье — в этот день Шмид хлопотал по хозяйству в доме.

— Понятно...

— Правда, господин Мартинели объяснил это тем, что по воскресеньям он привык отдыхать. Однако и это еще не все, господин Граф. — Гостья открыла свою туго набитую сумку. Несколько вещей выпало и с шумом раскатились по полу. Посетительница даже вскрикнула от досады.

Граф взмахнул рукой — дескать, не стоит беспокоиться — и сам собрал беглецов: массивный ключ от двери,

кожаный футляр со штемпелем, коллекцию лоскутков платьевых тканей, скрепленных вместе булавкой, и картонную коробочку, которая невольно привлекла внимание Графа.

— Вы ведь не курите, госпожа Шафер. Зачем же вы носите в сумочке спички?

Это замечание показалось ей забавным.

— Все попадают на этом.

— Попадаются?

Женщина открыла коробочку и протянула ее Графу. Он с нескрываемым интересом заглянул внутрь.

— В самом деле попался! Это ведь просто набор для шитья.

— Набор для штопки, — уточнила довольная госпожа Шафер. — Симпатичный, правда? Я купила его в универсальном магазине, в галантерейном отделе. Тут четыре маленькие катушечки искусственного шелка и две иголки. Я ношу его с собой на работу — на всякий случай. В понедельник я переехала в Бюмплиц, в пансион возле интерната для трудных мальчиков, и теперь дорога занимает у меня лишком много времени. Приходится ездить на трамвае. Я хотела связаться с господином Мартинели и сообщить ему свой новый адрес. Его еще никто не знает, кроме дяди и тети. Да, еще мне хотелось вернуть книгу.

Она сунула руку в сумку и с некоторым трудом извлекла наружу потрепанный томик в коричневом переплете.

— Господин Мартинели дал мне ее почитать, — пояснила госпожа Шафер. — Это Шекспир, шеститомное издание, но он дал мне только одну книгу. Он говорил, что Шекспир придает путешествиям совершенно неповторимый колорит. И знаете — забыл этот томик, когда уезжал. Мне бы очень хотелось отдать ему эту книгу — на ней указано имя его деда!

Женщина показала Графу обложку с оттиснутым золотыми буквами именем — «Конрадус М. Мартинели».

— Книга из семейной библиотеки, — проговорил Граф, взглянув на томик с некоторым интересом. — Странно, что он забыл ее.

— Он уезжал в страшной спешке. Я пришла шестого июля и обнаружила, что дом закрыт, и никого нет.

— Удивительное дело!

Госпожа Шафер пропустила замечание Графа мимо ушей и вновь вернулась к Шекспиру.

— Мы говорили о войне, о современных нравах и зверствах — и господин Мартинели дал мне эту книгу, чтобы я могла оценить, изменилась ли человеческая натура со времен Шекспира.

— Странно...

— С ним было ужасно интересно. Ему нравилось говорить о таких вещах. Господин Мартинели предложил мне прочесть «Венецианского купца» — особенно то место о Шейлоке, где описываются его чувства и отношение к нему окружающих. Хотел, чтобы я сказала: считаю ли я, что персонаж Шекспира — комическая фигура.

— Если Шекспир, изображая Шейлока, собирался повеселить почтеннейшую публику, то я бы заметил, что он выбрал странный способ.

— К сожалению, до «Купца» я так и не добралась. Но в другой пьесе я обнаружила пометки на полях — их оставил господин Мартинели. После этого я стала опасаться Шмида.

Граф удивленно поднял брови.

— Вы, вероятно, считаете, что я сумасшедшая, — продолжала госпожа Шафер извиняющимся тоном. — Вполне вероятно. Я видела этого человека трижды: один раз на дороге и — после того, как прочла помеченные строфы, — во дворе, в машине. Правда, не очень близко. Обыкновенный деревенский парень, впрочем, несколько самодовольный. И все же я рада, что он никогда не видел, как я разговариваю с господином Мартинели. Рада, что он не знает о нашем знакомстве, не знает, кто я.

— Интересно... — Теперь Граф рассматривал принадлежащий Мартинели томик Шекспира с искренним любопытством. — Как выглядит этот Шмид?

— Ему около сорока, худощавый, крепкого телосложения, загорелый — такой загар обычно бывает у крестьян с гор. Жесткие каштановые волосы, острый нос, пронзительные светлые глаза. Всегда небрит, без пиджака, в старой фетровой шляпе.

— И что же в нем внушало вам страх?

— Только то, что его боялся господин Мартинели...

— Боялся, что Шмид увидит вас, — поправила ее Граф.

— Боялся его, — уверенно повторила госпожа Шафер. — И пометил строфы в книге. Мне не довелось поговорить об этом с господином Мартинели. Я уже говорила — шестого июля они уехали. Сначала я прошлась по участку и убедилась, что никого нет, а потом забралась в дом.

— Забрались в дом?

— Через окно. Защелки там не очень-то надежные, а окна не были заколочены. Я решила, что просто обязана узнать, куда делся господин Мартинели, если — если смогу, конечно. — Помолчав, она гордо добавила: — Я не стала спрашивать на почте. Господин Мартинели никому не говорил, что знает меня. И я не собиралась раскрывать нашу маленькую тайну... Я облазила все углы и просмотрела все бумаги, которые мне удалось найти. На дне ведра для угля я нашла вот это.

Она протянула Графу вырезку из газеты, которая выглядела так, словно ее носили в бумажнике. Отмеченное сообщение гласило:

Сдается внаем. С 1-го мая по 1-ое октября.

Большая гостиная, столовая, спальня. Кухня, комната прислуги, две ванны. Телефон. Исключительный порядок.

Обращаться к владельцу.

Затем следовал адрес дома, расположенного у фонтана «Самсон».

— Я подумала, что эта вырезка хранилась в бумажнике господина Мартинели, — продолжала госпожа Шафер. — Он мне говорил, что снял на лето квартиру в Берне. Еще на дне ведра я нашла конверт с адресом. Его написали с ошибкой, потом исправили и выбросили. Наверное, это ведро в качестве мусорной корзины. Уезжая, они все вытряхнули в печь, а эти бумажки прилипли ко дну. Они были в грязи и пыли, поэтому их не заметили. Конверт я выбросила.

— Честное слово, Лидия, вам, кажется, совсем не нужна помощь, — восхищенно сказал Граф, забыв о формальностях. — Вы в состоянии сами найти вашего знакомого. Но почему же вы выбросили конверт?

— А зачем его хранить — ведь в газетной вырезке был адрес.

— Но именно конверт является лучшим доказательством, что господин Мартинели вернулся на свою квартиру. Вам следовало написать. Лучше, конечно, звонить, но, вероятно, телефон в доме отключен по случаю войны.

— Но мне так и не удалось связаться с ним! — воскликнула госпожа Шафер. — Писать мне не хотелось. Вдруг он в самом деле забыл обо мне и об этой книге. Зачем же навязываться. Но мне все же казалось, что Шекспира-то надо вернуть. Я решила, что позвоню ему, когда вернусь в Берн. Ну вот, приехала я пятнадцатого числа и на почте набрала номер. Представляете, там телефон не отключен! Господин Мартинели живет в арендованных апартаментах, но у него отдельный аппарат, а соединить меня с той квартирой не могут.

— Интересно. Вероятно, в доме обосновался кто-то из чиновников или армейских — вот связь и есть. А коммутатора, похоже, нет. Или они экономят на телефонистке. А может, номер вашего знакомого не связан с телефонной системой дома. Или он —

добропорядочный гражданин, живущий по законам военного времени.

— Мне что-то такое и наговорили. Посоветовали воспользоваться услугами почты. И наотрез отказались передавать устное сообщение!

— Почему же?

— Тот тип, что поднял трубку, заявил, что это не входит в его обязанности. И я почувствовала себя муравьем, пытающимся своротить громадные камень.

— Да, задачка. Но, должен сказать, ваш знакомый, вероятно, просто не хочет общаться с внешним миром.

— Он одинок, это верно. И все же у меня создалось впечатление, что его изолировали намеренно.

— Но вряд ли Шмид тому виной. В Шпице же Мартинели пользовался полной свободой? Он мог бы прогуляться до станции и уехать на поезде в любую точку страны, пока Шмид занимался покупками.

— Как бы то ни было, я не стала отсылать книгу. А вдруг она попадет в руки Шмида? Господин Мартинели не хотел, чтобы тот знал о наших беседах...

— А вам не приходило в голову, что господин Мартинели скрывал от Шмида всех своих знакомых?

— Может, и так... Но меня насторожили помеченные строфы и комментарии на полях книги.

— Какого рода?

— Не знаю. Стертые слова. Их толком не разобрать. В общем, книгу я не отослала. Думала, как-нибудь вечером рискну заявиться и попробую передать томик владельцу. Даже и через третьи руки... Но ехать туда лично мне очень не хотелось. Наконец, в прошлую среду после работы я опять позвонила, чтобы узнать, там ли еще мой знакомый. Мне ответили, что его недавно увезли в больницу Святого Дамиана. Они или не знали, или не хотели сказать, почему его увезли и надолго ли.

— Ну, в больнице Святого Дамиана он наверняка в безопасности.

— Это почти рядом с тем домом. Большая, старинная клиника, с садом за высоким каменным забором. Я была там на прошлой неделе и сегодня снова зашла. Мне сказали, что господин Мартинели отдыхает.

— Так всегда говорят.

— Но в прошлый визит я оставила там свой адрес и имя... Мне показалось, что я могу открыться, ведь Шмида-то в больнице скорее всего нет. Он же просто слуга. Но, знаете, господин Мартинели так и не отозвался!

— Нам не за что зацепиться, Лидия. В сущности, я могу по своим каналам разузнать о болезни Мартинели. Или хотя бы попытаться это сделать — видите ли, я почему-то сомневаюсь в успехе... Вы не стали передавать ему книгу. Почему?

— Девушка в приемном покое не проявила никакого участия. Я подумала, что томик может просто исчезнуть или будет переходить из рук в руки, пока, наконец, не вернется к хозяину. Вероятно, господин Мартинели очень болен, — добавила Лидия тихо. — Очевидно, он плохо себя чувствовал, когда уезжал из Шпица. Мне пришло в голову, что ключ к разгадке здесь. — И она потрясла томиком. — Вы посмотрите, пожалуйста, все эти пометки и стертые слова. Вот если бы вы восстановили все надписи... Господин Дроз говорил, что вы можете сделать все что угодно с рукописным текстом.

Глава 3

ШЕКСПИР

ГОСПОДИНА МАРТИНЕЛИ

ГРАФ ВЗЯЛ У Лидии томик Шекспира, повертел его так и этак, открыл и снова закрыл.

— Боюсь, я не заслуживаю комплиментов Дроза, — произнес он. — Я давным-давно не работал в лаборатории... По крайней мере, по-настоящему — с тех пор, как пять лет назад у меня появился ассистент. Я говорил ему, что нужно сделать, а как... он догадывался сам. Теперь он оберегает границы страны, а я больше не занимаюсь документами. Хотя книга господина Мартинели мне нравится. На вид, на ощупь.

— Помеченные отрывки... — начала Лидия.

— Нет-нет! Давайте вначале внимательно рассмотрим сам томик: снаружи и изнутри. Нужно продвигаться от общего к частному по мере исследования. Естественно, я сгораю от нетерпения взглянуть на помеченные места, — признался Граф, — но, как вы заметили, я даже не брал книгу в руки, пока не выслушал ваш рассказ. И вот теперь, наконец, я начинаю с ней знакомиться: это первый том шеститомного издания, толстая книга в блестящем переплете телячьей кожи, украшена изящным тиснением, золотой обрез. Кто такой, вы скажали, этот Конрадус М. Мартинели?

— Дед моего знакомого.

— Понятно — фамильная реликвия, однако, переплет в плачевном состоянии. Из титульного листа ясно,

что это издание коллекционеров не заинтересует. Его рыночная стоимость нулевая. Переплет потертый, настолько потертый, что оставляет на моих брюках красновато-коричневые пятна. Очень старая кожа! Корешок отваливается. Половина его, фактически, уже отвалилась. — Граф ловко подхватил оторвавшийся кусочек и положил его на угол письменного стола. — Но сама книга в хорошем состоянии. Открывая ее, обнаруживаем, что если не обращать внимания на эти коричневые пятна, бумага, хоть и тонкая, сохранила упругость. Страницы выглядят абсолютно новыми. В верхней части титульного листа — твердая, несколько выпцветшая подпись деда господина Мартинели. Была такая дурная привычка у наших предков. Ниже...

ПЬЕСЫ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

В шести томах

Том I

...Еще ниже — небольшая гравюра. На ней изображены три колдуна, лохматых и бородатых, простирающих руки в сторону битвы. Напоминают трех разгневанных джентльменов в ночных рубашках. Похоже, собираются драться.

— Там много иллюстраций, — заметила Лидия.

— Да, именно об этом говорится в тексте на следующей странице:

Иллюстрированное издание Харпера

Множество гравюр

Драматические произведения Уильяма Шекспира.

*«Время, неумолимо стирающее следы других поэтов,
проходит мимо бесценного Шекспира,
не причинив ему вреда».*

— Из предисловия д-ра Джонсона.

Харпер и Братья, Клифф-стрит

1839

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЧАСТЬ 1	11
Глава 1. <i>Странная просьба</i>	12
Глава 2. <i>Незванная гостья</i>	23
Глава 3. <i>Шекспир господина Мартинели</i>	39
Глава 4. <i>Больница Святого Дамиана</i>	47
Глава 5. <i>Печальная церемония</i>	61
Глава 6. <i>В гостях у доктора</i>	71
Глава 7. <i>Кровавый вечер</i>	78
Глава 8. <i>Несостоятельная версия</i>	89
Глава 9. <i>Деньги и бумаги</i>	100
Глава 10. <i>Дела сердечные</i>	114
Глава 11. <i>Калейдоскоп событий</i>	129
Глава 12. <i>Заведение Иеремии Валпа</i>	140
Глава 13. <i>«Заберите меня домой...»</i>	150
Глава 14. <i>Номер 152594</i>	162
Глава 15. <i>Воссоединение поисковой команды</i>	171

Глава 16. <i>Исчезновение Шмида</i>	182
Глава 17. <i>Партия в бридж</i>	192
Глава 18. <i>Долгожданная встреча</i>	201
Глава 19. <i>Вычеркнутый из протокола</i>	211
Глава 20. <i>Графу не скучно</i>	221
Глава 21. <i>На этом ставим точку</i>	229
ЧАСТЬ 2	233
Глава 1. <i>Странная почта господина Графа</i>	234
Глава 2. <i>Неприкасаемые</i>	245
Глава 3. <i>Граф покупает книгу</i>	256
Глава 4. <i>Книжка с картинками</i>	266
Глава 5. <i>Ненужная бумажка</i>	281
Глава 6. <i>Обитатели дома разделились</i>	293
Глава 7. <i>Первая схема</i>	306
Глава 8. <i>Одиночества нет</i>	319
Глава 9. <i>Бреши в стене</i>	331
Глава 10. <i>Умница Беата</i>	343
Глава 11. <i>Вторая схема</i>	355
Глава 12. <i>Средство передвижения без бензина</i>	368
Глава 13. <i>Детские забавы</i>	376
Глава 14. <i>Дыхание средневековья</i>	386

Глава 15. Луч света во мраке	393
Глава 16. Кровопролитие	404
Глава 17. Почему бы не быть откровенным?	415
Глава 18. Пропажа нашлась!	429
Глава 19. «Я ни о чем не жалею...»	442
Глава 20. Конец спектакля	455

Литературно-художественное издание

Янина Забелина

КНИГА ПОКОЙНИКА

Редактор А. Соловьев
Корректор Л. Михайлова, О. Шепитько
Компьютерная верстка Н. Лаптева
Дизайнер обложки Л. Соловьева

Подписано в печать 02.09.2019. Формат 84×108/32
Печ. л. 15,5. Гарнитура «Bookman Old»
Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Флюид ФриФлай»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2
тел. +7 (985) 8000 366
fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru
тел. +7 (499) 270 7359

16+

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ГАРОЛЬД ГРАФ

Янина Забелина — журналист, редактор и переводчик. Больше десяти лет сотрудничала с журналом «Всемирный Следопыт». Ее перу принадлежит около сотни очерков и статей, посвященных географическим и историческим загадкам различных уголков нашей планеты. Из литературных жанров предпочитает классический детектив, из жанров журналистики — историко-страноведческие исследования. На стыке интересов и появился роман о богатом библиофиле с наклонностями незабвенного Шерлока Холмса — Гарольде Графе.

С одной стороны тайна — уникальная подборка пьес Шекспира с пометками случайного владельца и смятые кусочки бумаги с чьими-то каракулями, с другой — таинственное убийство. И только Гарольду Графу и его помощникам — секретарю и «правой руке» Стефану Галлеру — под силу раскрыть загадку и вычислить преступника!.. Как утверждает Янина: «Берн и его окрестности — наилучшие в Европе декорации для классического детектива».

www.gorodets.ru

ISBN 978-5-907220-03-4

9 785907 220034

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly